

Дырявый вертолёт

Чёрт тебя принёс, так сиди – не дёргайся. О! О! Ей-богу! Ну вы только посмотрите на неё: стеснялка хренова. Раньше надо было стесняться. Когда, когда! А тогда, когда с Генкой загуляла. Ага... того ещё... Скажи мне, что наполночь кукушку в лесу ходили слушать. Да не выкручивайся, её-богу! Привыкла борщи свои в пекле варить. Чо? Уйдёшь? К Генке? Да хоть за Генку... О! Надо же... сбрындила. Вывернулась сидит... Топай, топай! Вертолёт твой однокрылый в соседней палате лежит...

А вы слушайте: поехал я тогда в Легостаево – к теще. Дрова надо было поколоть. А моя эта дурная половина дома осталась. У неё там где-то что-то заложило. У баб не сразу поймёшь, чо у них куда закладывает. Тогда она знала, что я домой только утром вернусь. Я и сам так был настроен.

Однако теща, мной недовольная, взбрыкнула и выпить отказала. Я тоже сбрындил и со психу рванул потёмками обратно. Чо там для мотоцикла – семь километров до деревни.

Скоро осталось – рукой подать. Конь мой рогатый и себе зафурдычал: тук-тук, тук-тук, и всё... Тоже выпить захотел. А бензин кончился. А темнеет – одна светлая полоса

на горизонте осталась. И вот уж на ней сыздаля мой дом обрисовывается. Двор у меня к самому сосняку прижат. И мне только луговинной пройти осталось...

Веду я своего коня за рога. Псих мой прошёл. Я не умею долго сердиться. Спокойненько шагаю, песню мурдычу:

– Только мы с конём по полю идём...

Сщас – думаю – освежусь дома брагой, пельменей натрескаюсь. Люблю пельмени!

Вижу: кто-то у калитки моей топчется да покуривает. Собака не лает. Значит, свой, деревенский. Собрался посигналить, чтоб не ушёл – поели бы вместе, посидели...

Это я так думаю, дурак.

И вижу: моя тетёха выплывает из калитки! Оба-на! Волосы распущены, подол крутится, будто от ног комаров отмахивает. Слышу: смех не смех, а вроде как повизгивание от нетерпения...

На луговине – стожок стоит-поднимается. Я – за него. Гляжу-дивлюсь, что с моей дурёхой творится? Королевой вышагивает! А он курево отбросил и – петухом возле неё затоптался... Видно всё как на ладони. Петушится, а ростом до уха ей не дотягивает.

– Ба! – говорю, – да это ж Генка Носарь.

Он же вокруг всякой бабы кругами ходит. По горизонту видно, как он своим носищем мою вертихвостку к лесу подталкивает.

Подхватил он её под локоток, и они до того стали разом обоюдны – мне ажно зажарилось. Собака моё горение учуяла, взлаяла, а им хоть бы хны...

Коня своего оставил я за стогом и, немного пождавши, за ними пошуршал... Далеко не глубятся, у края леса держатся. Носарь уже и фуфайку свою распетелил. И под ней у пупа чой-та руками шарит...

Собрались на посадку. Вижу, что всё у них настраивается – прямо сказать! Вроде уже поймали надейку и на двоих делят. Стою – караулю, чтобы рога у меня не успели отрасти. Только бы им заветное приземление у сосны осуществить, я приклонился и рукой, за шиворот, хватя Носаря! Он думает, что за что-то зацепился – по загровку себя шарит. Я – за пятерню да как об сосну хребтом приквасю! Он ажно маму вспомнил. Оттуда у нас кладбище недалеко. Я и говорю загробным голосом:

– Какая мама? Я твой папа! Пошли, – зову, – в сторону, плоговорим по-семейному...

Моя тетёха поползла в сторону. И тут я маху дал: хотел за косы её поймать, да Генку упустил. А он, дурак, забыл, что в резиновых сапогах, а на сосну полез. Да ремень на штанах не затянут – держать надо. Я его – за сапоги... Выскользнул и дальше цепляется. Я – за ним. Вот – догоню! Только чую: на морду мою задранную – кап, кап, и полилось. На небе, вижу, звёзды, луна. А это у Генки бак страхом пробило.

Моя красавица поняла, завохтала, орёт:

– Убьёт! Сиди пока там, Вертолёт дырявый ! Без мужа меня оставишь.

Свалился всё-таки на меня. Вот и лежим теперь оба в больнице. Не знаю, откуда деревня узнала такой срам? А Носаря весь народ теперь Дырявым Вертолётom зовёт.

Оба-на!

– Кто, кто!? Дед Пихто! И чего так долго пытать человека, если он по-хорошему стучится? Ну и что? Подумаешь: боровья отыскались! В три часа ночи их, видите ли, потревожить не смей. Ишь! Чо вам делать-то ишшо? Как уеду, так и спите себе на здоровье.

Ну, люди, ей-богу! Если явилась, значит, приспичило. Какому чёрту ещё-то вы нужны, кроме своих? Успокойся, старая. Чо разговорилась? Дай человеку отряхнуться путём.

Ой, снежище, Господи, прости! Его у вас чо? Бульдозером ли чо ли с небес гребут? И сверху валит, и снизу поддаёт. Еле пробилась. Темнота – пальца не просунешь. Да у вас и в дому не больно-то светло. Где вы только такую маленькую лампочку откопали? С утюга ли чо ли со старого вывернули? Лавочница, видите ли, такие завезла. Вставить бы лавочнице такую лампочку в одно место. Видели бы сыздаля, кто над вами приехал издеваться.

Чо? Току нагорит помене? А вы лучин наскубите, лучин – совсем даром получится. Экономики хреновы! Потому и спите – не добудишься. Я уж подумала, что вперёд меня вас кто-то с топором навестил. Да шучу я, шучу. Неча косодыриться. Давай лучше поцалуемся.

А ты, дед, пошто не поднимаешься? Я вам тут ролтону всякого навезла, дошираку заморскогоного...

Поди-ка такого ещё и не пробовали. Теперь поклонитесь мне. Вставай давай! Не всякой ночью я вас поднимаю – не ворчи, не нагоняй ненастья.

Кто, кто... Заело вас что ли? Какого хрена и этот привязался со своим «кто»?

Сщас бабка чайник поставит, а ты вылёживаешься.

Ночь тебе, ночь... хоть три ночи. Всё одно не спишь. Я же вас не каждую темноту поднимаю. Могла и совсем не приехать, не подвернись оказия случайная. Люди согласились прихватить. Чего, подумала, не съездить – задарма-то? Сразу и сюда, и обратно...

Чайничек готов – вот это дело! А вы меня вспомнить не можете? Напрягите мозги. Нет – я не Полина и не Лизавета. Какая ещё Дуська? Скажи ему, бабка, что Дуськами в наше время чёрте кого называют.

Даю вам установку: помните, когда внука вы женили? Хорошо! А сколько тогда гостей набралось? Ажно во дворе столы стояли. Свинья-паразитка из загона тогда выскочила. Баба пьяная хотела на ней тогда прокатиться, помните? Года, говорите, не те, чтобы чушь такую помнить. А такое бы не грех и помнить. Так вот тою бабой я лично была. Чо спорить-то, чо спорить? Не было никакой свадьбы. Неужели перепутала?

А свиней, кстати, вы, наверное, дёржите? Сил уже не хватает? Года не те? Только овец оставили... И сколько их у вас? Парочка? Ну, и то, дай сюда, Господи... Всё баранинка... Не хуже свининки – долго хранится. Люблю свежую.

Слава Богу, поднялся наконец-то! Старый? Да ты посмотри на себя – какой молодец! Орёл! И пиджак, и штаны – всё к лицу! Сколько тебе ныне стукнуло?

Оба-на! Ни за что не подумаешь.

Паспорт покажешь? Да на чёрта мне твой паспорт. В нём и приписать недолго. По морде вижу – приписал, когда на фронт уходил. А тебе с бабёнками, гляжу, на сеновале ещё пошалить бы не мешало. Ну и зря. Кто тебе такое наговорил? Врачи? Да нынче врачи – хоть караул кричи... А давай-ка мы сейчас это дело проверим. Надевай пимы – пошли в загон.

А ты, старуха, чо верещишь? Куда повела? В такие-то годы – не о том думаешь? Если что, не мыло твой дед, не измылятся. Спростынет?! Да я разве дам спростыть. Да мы скоренько с ним ярочку зарежем... Так вы уже успели на днях одну приборать? Вы чуяли, что я приеду? Ах! Для себя только резали? Обожраться вам что ли – целой овечкой! На зиму резали? Сколько в той скотинке получилось? Кило двадцать потянуло! Всем и хватит. Сщас поделим поровну, а то снегом глубоким тащить мне тяжело.